

УДК 81'119

DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-237-242

**ОВНЕШНЯЕМОСТЬ МЫСЛИ В ФОРМЕ:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ, КОГНИТОЛОГИЧЕСКИЕ
И СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

© Дашинимаева Полина Пурбуевна

доктор филологических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

pdash@bsu.ru

В статье поднимается фундаментальная проблема естественного семиозиса, а именно разграничения и соотношения мысли и вербального кода в плане степени овнешнения первой во втором. Целью исследования является, с одной стороны, описание сути заданной дихотомии, с другой — подтверждение неовнешняяемости мысли в знаке языка посредством приложения лингвофилософских, когнитологических и семиотических оснований. Центральная идея из труда «Мышление и речь» Л. С. Выготского взята за исходный пункт тезиса.

Ключевые слова: мысль, языковой знак, семиозис, овнешнение, философия, когнитология, семиотика, невербальный.

THOUGHT EXPLICATED IN SIGN:
LINGUO PHILOSOPHICAL, COGNITOLOGICAL AND SEMIOTIC FOUNDATIONS

Polina P. Dashinimaeva

Dr. Sci. (Phil.), Professor

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

pdash@bsu.ru

The article deals with the fundamental issue of thought in terms of its being externalized in a verbal code and the problem of their delimitation and correlation. So, the objective is to apply linguo-philosophical, cognitive and semiotic foundations to highlight the bare bones of the given dichotomy, and to confirm the thesis of the thought being not potentially explicated in a sign. The starting point of the investigation is the central idea from «Thinking and Speech» by L. S. Vygotsky.

Keywords: thought, linguistic sign, semiosis, explication, philosophy, cognitive science, semiotics, non-verbal.

Введение. В современной лингвистике есть много теорий о языке второго порядка, пригодных в онтологическом плане, но не обладающих экспланаторной силой в эпистемологическом плане для описания языка первого порядка, например в части производства и восприятия речи «на самом деле», т. е. «здесь и сейчас». Рассмотрим базовую идею первого порядка о том, что мысль не тождественна с семантикой знака, поскольку она шире и богаче внешнего каркаса, в который «одевает» ее сам субъект. Думается, из названия работы прозрачно вытекает тезис о том, что мысль невозможно выразить в полном объеме во внешней оболочке — будь то вербальный знак, семантографический поликод или язык тела. Приведем в качестве авторитетной концепцию Л. С. Выготского, признанной не только в психолингвистике, но и в когнитологии.

Напомним его известную идею о несовпадении мысли и ее вербальной экспликации: «...Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово... Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То,

что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно. Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Поэтому переход от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах ... Так как прямой переход от мысли к слову невозможен, а всегда требует прокладки сложного пути, возникают жалобы на несовершенство слова и ламентации по поводу невыразимости мысли» [Выготский, 1999, с. 331].

Данную идею «синей блузы» великого мыслителя, последовательно и детально развернутую в рамках онтогенеза в книге «Мышление и речь», мы берем в качестве исходного положения, суть которого следует обосновать лингвофилософскими, когнитологическими и семиотическими идеями. Обобщенно цель статьи заключается в обнаружении внутренних факторов, формирующих несоответствие мысли и эксплицированной в языке ее версии.

Лингвофилософские и когнитологические обоснования невозможности соответствия мысли и слова. Конечно, идея о несовпадении мысли со своим языковым выражением отнюдь не нова. Еще Ю. Д. Апресяном [1974, с. 322–325] делается попытка разграничить значение как «денотативное тождество» и «сигнификативное различие». Оттенок значения выводится им как особенность семантики слова (денотата или сигнификата), синтактики (семантической, лексической или морфосинтаксической сочетаемости) или прагматики (модальной рамки толкования), что иллюстрируется автором преимущественно на уровне лексикографии. Далее лингвист делает неожиданный вывод о том, что в связи с отсутствием «постоянного содержания» термин оттенок значения «никакой научной ценности не представляет», поэтому «следует от него отказаться» [Там же, с. 328]. Мы же стараемся придать подобной атомарности значения статус научной значимости.

В лингвофилософии этот подход реализуется, в частности, вводом в научный оборот понятия «ноэма». По Гуссерлю [2004], это предметное содержание конкретной мысли, или наполнение интенции содержанием восприятия. Отсюда уже следует, что перманентная изменчивость ноэмы напротив стабильности формальной семантики слова является аргументом, подтверждающим слабую овнешняемость мысли в языковой форме. Представим более детальные обоснования в виде положений.

1. Поступающая извне информация концептуализируется и, соответственно, объективируется в процессе производства речи только «в пакете», т. е. целевой ситуацией. Согласно когнитологу Л. У. Барсалу, перцептивная информация вкупе включает данные от восприятия лиц и объектов, действия интроспекцию и сопровождающую обстановку [Barsalou, 2009, с. 1283] (ср. с ситуацией синей блузы у Выготского). То же самое устами философов: 1) сознанию присущи темпоральность, субъективность и интенциональность, которые в итоге обеспечивают единство составляющих когнитивного механизма [Серль, 2002]; 2) доконцептуальная цельность «жизненного мира» проявляется в переживаниях, т.к. реальность — данность индивидуальному сознанию — фиксируется как связность вещей, людей, света, ощущений и т. д. [Гуссерль, 2004, с. 232–234]. В этом свете логично, что в психологии мыслительная целостность изучается в рамках гештальтпсихологического подхода.

2. Цельность семиозиса достигается темпоральной связкой: живая мысль пребывает в двух мирах-измерениях — в настоящем и в стремительно разбегающихся прошлом и будущем (М. Мамардашвили, Ж. Лакан, Ж. Делез, М. Полани и др.), что обеспечивает состояние хаоса сомнений, внутреннюю креативность смысла. Завершенность смысла фиксируется в вертикальном стоянии: «Сковать поток вечностью — это и означает стать вертикальным» [Мамардашвили, 2000, с. 209].

3. «Пакетность» и единичность нозматического содержания достигается через личностную природу познания, формирования знания и означивания (см.: [М. Полани. «Личностное знание», 1985]). Я — это единственное пространство и место, из которого начинается семиозис, оно «не только эпистемологически объективно, но также и онтологически объективно» [Серль, 2002, с. 107], ведь допредикативный «жизненный мир», в соответствии с Хайдеггером, всегда мой мир, мое духовное — «фактическое происхождение» (по: [Сафрански, 2002, с. 79]).

Как видно, приведенные три довода постулируют правомерность принципа всеобщих различий «salva veritate» Г. Лейбница (если две вещи абсолютно тождественны, то они представляют собою одну и ту же вещь) — основы аксиомы о несовпадении нозматического содержания и его вербальной экспликации. Популярно же отождествление означиваемого и означающего в связи с фетишизацией потенциала языка (ср. Есперсен, Сепир-Уорф: «чем больше форм, тем более очевиден «культурный прогресс» языка»), с одной стороны, и незнанием психонейрофизиологии естественного речемышления, способствующим убеждению в том, что другой вкладывает в произносимое те же смыслы, что и Я. Напротив, следует возвеличивать лишь инструментальную роль языка, реализующего функцию означивания помысленного:

- «прогресс мысли скорее более тесно связан со способностями людей, с общими условиями развития культуры и с устройством общества, чем с особенностями данного языка» [Бенвенист, 1974, с. 114],

- «единичности, которые подпадают под предикат, различаются бесконечным образом, как всегда различаются, по крайней мере, две единичности» [Дэвидсон, 1993, с. 309],

- «эта «система» (система понятий с чувственными восприятиями. — П. Д.) представляет собой свободную (т. е. любую логически возможную) игру с символами в соответствии с (логически) произвольно заданными правилами игры» [Эйнштейн, 1967, с. 252].

Обобщая данные высказывания, скажем, что участники общения придумывают различные, зачастую нестандартные, конфигурации языковой игры, поскольку, во-первых, они находятся в состоянии «поиска нужных слов», которые соответствовали бы чувствованиям и эмоциям «здесь и сейчас»; во-вторых, они подбирают слова и структуры в соответствии с критерием «свои / чужие». Если бы код естественного языка был совершенен настолько, чтобы выражать каждый нюанс меняющихся ощущений, тогда правила игры не были бы столь произвольными.

Невербальная семиотика. В связи с тем что текст, представивший обоснования заданной идеи, априори рассматривает семиотический механизм рождения и восприятия знака, в этой рубрике лишь остановимся на специфике невербального кода — параязыке (все коды кроме естественно-языкового): в общении коммуникант складывает смысл не только из слов, но и из других сенсорных каналов.

Напр., языковой код: Вы просто невозможны!

визуальный код: Вы мне оч-ч-чень нравитесь!

Существуют разные данные относительно соотношения вклада языкового и невербального кода в создание смысла речи: 36% социального значения передается вербальным способом, 64% — манерой речения [Каспранский, 1990, с. 24]; по данным А. Мейерабиана, вербальная передача происходит на 7%, просодикой — на 38%, невербаликой — на 55% (по: [Пиз, 2003, с. 5]). По Д. Мацумото, к невербальному поведению относятся не только выражение лица, жесты и движения кистей, рук и ног, поза, наклон и ориентация тела, тон и другие вокальные характеристики, но и дистанция при общении, прикосновения, взгляд и визуальное внимание. Также значимы и «неповеденческие» характеристики (использование времени, тип одежды, косметические поправки), которые важны для понимания общего характера воздействия культуры на процесс общения [Мацумото, 2003].

Далее заслуживает интереса мнение Г. Е. Крейдлина о том, что совокупность видов невербальной коммуникации формируется и реализуется в рамках внутреннего синтаксиса. Например, в сфере языка жестов данную комбинаторику составляют «особенности сочетаемости и упорядочивания жестовых элементов при образовании комплексных жестовых сочетаний» [Крейдлин, 2004, с. 127]. Как известно, внешний синтаксис описывается правилами взаимодействия невербальных «лексем» коммуникантов и взаимодействия с системой естественного языка.

И Мацумото, и Крейдлин ссылаются на труды известных специалистов мимического языка лица П. Экмана и У. В. Фризена, которые группируют жесты, исходя из внутреннего, иконического и условного типов кодирования информации в общении: 1) иллюстраторы — жесты — движения, сопровождающие высказывание (дирижирующие, указательные, ритмические, кинетографические, пиктографические, эмблематические); 2) адапторы, способствующие снятию внутреннего напряжения (самостимулирующие, направленные на другого человека, направленные на предмет); 3) эмблемы — жесты, имеющие достаточно точное значение для определенной социальной группы; 4) аффективные жесты, служащие для выражения чувств и эмоций; 5) регуляторы, используемые для контроля и координации поток речи в общении [Ekman & Friesen, 1969, 1972].

Как нам представляется, данную классификацию можно применить шире, в рамках всего невербального кода, видоизменив иерархию по критерию «самодостаточность передачи информации»: эмблемы, адапторы, регуляторы, иллюстраторы, где степень самостоятельности убывает слева направо.

Несколько слов об этномаркированности невербальной семиотики. Хотя можно допустить универсальный характер кинетического поведения, однако степень яркости передачи эмоций на языке лица варьируется от высококонтекстной культуры к низкоконтекстной. К примеру, японцы руководствуются социальными законами, диктующими скрывать негативные эмоции в присутствии лиц более высокого статуса [Мацумото, 2003]. Судя по многочисленным описаниям невербальных культур, остальные виды невербального кода также идиоэтничны. Например, степень фиксации взгляда во время общения убывает от арабов к американцам и, далее, к японцам.

Также функционально значима «силентальная» составляющая коммуникации — молчание, с которым имеем триаду «речь vs. невербальный код vs. «нулевой» код». Логично считается, что молчание является иногда самым выразительным, полноправным речевым актом, хотя мысль не объективируется во внешней форме. По нашим наблюдениям, несовершенство «игры» с языковыми символами или индивидуальную дискурстактику можно «услышать» именно в молчании. Другой причиной отказа от речи является как раз мотив «ощущения несовершенства вербального средства относительно богатства мыслимого», который реализует функцию эмоциональной замены вербального общения (вид функции из классификации С. В. Меликян [2000]). Вскрыть реальное пропозициональное содержание молчания помогает совокупная семантика соответствующих кодов невербальной семиотики и социокультурного контекста.

Таким образом, к молчанию нельзя подходить как к не-выражению чего-нибудь посредством языкового знака: оно — не субститут вербального кода, а специфическая интравертированная форма самовыражения, которую следует интерпретировать на макроуровне этномаркированности и на микроуровне конситуативности. К примеру, представители племени западные апачи США сдерживают говорение в следующих ситуациях: 1) встреча с незнакомыми людьми, 2) ухаживание, 3) проезд домой детей из школы-интерната после долгого периода учебы, 4) рефлексия на поведение, выходящее за пределы нормы и этики (гневные нападки, оскорбления и т. д.), 5) присутствие человека в низком эмоциональном настрое (в трауре, в депрессии и т. д.) [Basso, 2007, с. 80–84].

Справедливо отметить, что воздержание от внешней коммуникации часто вызывается самой природой мыслительной деятельности — ее психо- и нейрофизиологическим механизмом. Речь идет о тенденции мысли к неумной дизъюнкции — разветвлению «или ..., или ...», т. е. о стремлении мысли обеспечить себе выбор. Данный принцип сродни с бифуркационным выбором в самоорганизующейся системе: траектория, по которой движется система, разделяется на ветви [Дашинимаева, 2009]. Несомненно, мышление — самоорганизующаяся система, которая в непрерывной когнитивной деятельности — будь то обработка результатов познания, или семиозис — постоянно прибегает к дизъюнкции. Хотя и стремится дизъюнктивный синтез к овнешнению в естественном языке, но не всегда он результируется в этом стремлении, выбирая более выразительное и рациональное, но трудное для изучения и понимания средство коммуникации — язык «silentes» (термин М. Эпштейна [2008]).

Заключение. Таким образом, аксиома неполной, иногда и неправдивой, овнешняемости помысленного в телах языкового кода, обоснованная лингвофилософскими, когнитологическими и семиотическими идеями, высветила ряд когнитивных факторов, обеспечивающих и подтверждающих заданное несоответствие. К другому семантическому миру, который вполне самодостаточно, иногда и более правдиво передает мысли субъекта или способствует языковому коду осуществить трансфер мысли, по праву относится невербальный код.

Homo sapiens познает внешний мир благодаря тому, как он осознанно и неосознанно учится декодировать огромное множество семиотических кодов, среди которых естественный язык с его многоступенчатым нейро- и психофизиологическим механизмом функционирования вызывает наибольшее количество вопросов типа: *Что он этим хотел сказать? Что осталось недосказанным? Насколько правильно он меня понял? Почему я не могу выразить то, что у меня на душе?*

Получается, во все времена *Homo loquens* находится в состоянии заданной когнитивной асимметрии: в условиях постоянного видоизменения внутреннего содержания индивидуума и этнокультурных конвенций общности остаются статическими лишь тела языкового знака.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 4. М., 1974. С. 320–330.
2. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. Гл. VIII / ред. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Ю. Н. Караулова. М., 1974. С. 104–114.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь / общ. ред. Г. Н. Шелогуровой. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / пер. Д. В. Складнева. СПб., 2004.
5. Дашинимаева П. П. Методологический потенциал синергетики относительно изучения языка // Мат-лы научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация». Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. С. 37–43.
6. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. М. Фуко. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
7. Дэвидсон Д. Материальное сознание // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 131–144.
8. Каспранский Р. Р. Интерпретация актов молчания в дискурсе // Язык, дискурс и личность: сб. ст. Тверь: Изд-во ТГУ, 1990. С. 36–45.
9. Крейдлин Г. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.

-
10. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 414 с.
  11. Мацумото Д. Психология и культура. 1-е изд. Гл. 13 «Культура и невербальное поведение». М., 2003. 720 с.
  12. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 177 с.
  13. Пиз А. Язык телодвижений (как читать мысли окружающих по жестам). М.: Эксмо, 2003. 262 с.
  14. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
  15. Серль Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
  16. Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрانا Рассела // Собрание научных трудов. Т. IV. М.: Наука, 1967. С. 248–252.
  17. Barsalou L. W. Simulation, situated conceptualization, and prediction // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2009. P. 1281–1289.
  18. Basso K. «To Give Up on Words»: Silence in Western Apache Culture // *A Cultural Approach to Interpersonal Communication: Essential Readings* / J. Monaghan & J. E. Goodman (Ed.). Blackwell Publishing, 2007. P. 77–88.
  19. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*. 1969. V. 1. P. 49–98.
  20. Ekman P., Friesen W. V. Hand movement // *Communication*. 1972. V. 22. P. 353–374.
  21. Epstein M. Semiurgy: from language analysis to language synthesis // *Russian Journal of Communication*. 2008. № 1. P. 24–41.